

Вадим Ставиский

«Цесарство свѣта сего»

«Цѣрь в Роуской земли»

В *Галицко-Волынской летописи* (далее — *ГВл*) освещаются события, происшедшие с князем Даниилом Романовичем с октября 1245 по апрель 1246 г. во время его поездки в ставку Батгя. В тексте содержится следующее рассуждение:

Данилови Романовичю . князю бывшоу великоу . вбладавшоу Роускою землею . Киевомъ и Володимеромъ . и Галичемъ . со братомъ си [и] инѣми странами . нынѣ сѣдять . на кольноу . и холопомъ называетъ^с [Хлебн.: называетъ и]. и дани хотать . живота не чають . и грозы приходать . ш злаа чѣть Татарьская. его^ж шѣь бѣь цѣрь в Роуской земли . иже покори Половецъкою землею . и воева [на] иные страны всѣ . снѣь того не приа . чѣти . то иньи кто можеть . приати¹.

В характеристике князя Романа Мстиславича её автором использовано странное словосочетание, дотоле неизвестное древнерусской литературе: «цѣрь в Роуской земли». «Цесарство» (то есть универсальная власть) в «Русской земле» никогда не предполагалось, а на жизненном пути князя Романа мы не обнаруживаем этапов, способствовавших такому стремительному взлёту провинциального волынского князя.

Древнерусские источники, близкие ко времени жизни Романа, знают два современных им «цесарства» — византийское и римское. Но в «галицкой» части *ГВл*, обнимающей своим повествованием период до 1260-х гг., как «цесари» упомянуты только «римские» германские императоры — Филипп и Фридрих². Упоминание вместе с ними зятя киевского князя Рюрика в качестве «цѣря в Роуской земли» выглядит как недоразумение. Очевидно, что ситуацию не спасает утверждение летописца о том, будто князь Роман добился такого положения, потому что якобы «покори Половецъкою землею . и воева [на] иные страны всѣ»³.

1 ПСРЛ 2: 807–808.

2 «Оубьень быѣ цѣрь великыи Филипъ . Римьскыи»; «в то время пошелъ баше . Фридрихъ цѣрь . на гѣррика воиноу»; «бѣь бо цѣрь шбѣдержеа Ведень землею . Ракоушьскоу . и Штирьскоу» (ПСРЛ 2: 723, 776, 814).

3 Отметим, впрочем, что победы над половцами оказались существенны и для автора панегирика

В. Водов предлагал рассматривать наш случай в контексте общей тенденции, в соответствии с которой термин «цесарь» в редком применении к русским князьям не был официальным титулом, но мог употребляться 1) для прославления князя с использованием византийских образцов красноречия, 2) для подчёркивания политического престижа умершего князя, а также 3) в связи с главенством князя в церковных делах или 4) с культом князя-святого⁴. Из всех названных исследователем поводов для применения термина «цесарь» в нашем случае может рассматриваться лишь второй.

А.А. Горский, напротив, находит пояснение этому казусу именно в плоскости политическо-институциональной: «Роман Мстиславич, отец Даниила, был “царем”, а Даниил, несмотря на всё своё могущество, им не является, поскольку он стал подданным хана. Утверждается, таким образом, представление о царе как правителе, не имеющем над собой сюзерена, и русские князья теперь не подходят под это определение». Учёный отметил, что «с появлением татарского “царства” термин “царь” по отношению к русским князьям почти перестаёт употребляться»⁵. Но прежде, полагает исследователь, царский титул был принадлежностью исключительно византийского императора, пусть и номинального правителя, но правоверного сюзерена, за которым признавалась некая верховная власть, выше которой — только власть христианского бога.

Как же случилось, что титул, прочно связанный с комплексом представлений о «православном царе», оказался перенесён на нехристианских — языческих и мусульманских — правителей? На этот вопрос исследователь отвечает следующим образом: «Перенесение царского титула на ордынского хана, как можно полагать, было связано с тем, что завоевание пришлось на период отсутствия христианского царства — Византийской империи [...]. Теперь на Руси “царями” именовали двух правителей: императора Византии и хана Золотой Орды. Царский титул, таким образом, перестал быть титулом только далёкого, практически не влияющего на жизнь Руси правителя; им теперь обозначался и человек, являвшийся реальным верховным сюзереном русских земель»⁶.

Это остроумное предположение спорно или даже вовсе неверно. Византийское «царство», империя ромеев, не перестало существовать с завоеванием Константинополя крестоносцами в 1204 г., как не исчезли и православные

Роману, дав ему (панегиристу) основания присвоить князю ещё один фантастический титул «самодержца»: «приснопамятнаго самодержца всеа Роуси ѿдолъвша всимъ поганьскимъ языко» (ПСРЛ 2: 715).

- 4 Водов В. Замечания о значении титула «царь» в применении к русским князьям в эпоху до середины XV века. *Из истории русской культуры. Статьи по истории и типологии русской культуры*. Т. II, кн. 1. М., 2002, 513–516.
- 5 Горский А. О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.). *Одиссей. Человек в истории*. 1996. М., 1996, 11–12.
- 6 Там же, 7.

цесари — императоры ромеев, венчанные на царство константинопольскими патриархами в Никее. Но даже приняв логику А.А. Горского, мы вынуждены отметить, что к моменту создания «галицкой» части *ГВл* в конце 1260-х гг., Константинополь был уже возвращён (1261 г.) под власть византийских императоров и православное царство было восстановлено. Приходилось бы признать, что перенесение на монгольских ханов титула византийских императоров состоялось отнюдь не в «период отсутствия христианского царства», а именно после его окончательной и триумфальной реставрации.

Отметим и ещё одну важную деталь: византийское «царство» ни разу не упоминается в тексте *ГВл*, как нет там и византийских «цесарей». Эта хроника знает только «римских цесарей», то есть германских императоров.

Иными словами, по крайней мере, в политической вселенной автора «галицкой» летописи переосмысления оснований иерархии миропорядка не произошло или такое переосмысление осталось непроговоренным, а потому и судить о нём нет возможности. Применительно к случаю Романа Мстиславича это означает, что титулование его «цесарем» опиралось не на политическую идеологию, но было связано с литературными источниками, из которых создавался образ родоначальника новой династии⁷.

«Татарское цесарство»

Что, собственно, мы знаем о «татарском царстве» и почему обладание «цесарством» присваивается в древнерусских текстах нехристианским правителям?

Нам представляется требующим уточнения другое утверждение А.А. Горского о том, что «после Батыева нашествия и установления зависимости русских княжеств от монголо-татар титул “царь” начинает последовательно применяться к правителю Золотой Орды»⁸.

Хорошо известно, что ни Батый, ни его преемники в так называемом «Улусе Джучи» в источниках никаким титулом не наделяются, а упоминаются только по имени. Напротив, титул верховного монгольского владетеля источникам известен, но это титул «кан». Так, например, в *Лаврентьевской летописи* (далее — *Лавр.*) под 1243 г., читаем: «Великыи кна³ Йрославъ . поѣха в Татары к Батыеви . а сѣна своего Костантин^а посла къ Канови (здесь и далее выделено мною — *В.С.*)»⁹. А вот аналогичное известие *Новгородской Первой летописи старшего извода (НПЛст)* под 1243 г., в котором обнаруживается первое упоминание о «цесаре Батые», выдаёт явные следы поздней редакции, поскольку здесь появляется понятие об «Орде», с которым нераз-

7 Быть может, по аналогии с Владимиром Святым, чей титул «самодержец в Русьской земли» был почерпнут похвалой Роману из *Сказания о Борисе и Глебе*, см.: Толочко О.П. Як починався Галицько-Волинський літопис? *Культурний шар. Статті на пошану Г.Ю. Івакіна*. К., 2017, 415–416.

8 Горский А. О титуле «царь» . С. 6–7

9 *ПСРЛ* 1: 470.

рывно связана эта идея: «Того же лѣта князь Ярославъ Всеволодичъ позванъ цесаремъ татарьскимъ Батыемъ, иде к нему въ Орду»¹⁰. Своеобразное преломление этот сдвиг представлений находит в сообщении *Лавр.* 1257 г. Здесь собственно монгольская империя названа «землей кана», но этому последнему, кроме того, присваивается титул «цесарь»: «тоюжъ зимы приѣха Глѣбъ Василкови^ч. ис кану земли ѿ цѣра ї ѡжениса в Вордѣ»¹¹.

Только начиная с известия о женитьбе князя Глеба Васильковича появляется указание на «Орду» вместо «Татар», становящееся основным определением направления поездок князей Северо-Восточной Руси с 1284 г. (после обрыва текста). Тогда же исчезает термин «кановичи» и термин «цесарь» устойчиво соотносится с правителями «Орды». Тем и другим определяются столица Золотой Орды и её правители, независимые от «канович» Каракорума, о которых известия исчезают. Первые упоминания о монгольском «цесарстве» и «Орде» в *Лавр.* и *НПЛ* оказываются связанными в едином фразеологизме, в чём мы видим признак их позднего включения в текст. В обоих текстах «цесарство» представлено в виде титула, причина применения которого к язычникам остаётся не поясненной.

В *ГВл* на протяжении всего текста строго соблюдается иерархия монгольской военно-родовой элиты, а в её «галицкой» части титул «кан» применён строго по отношению к правителям Каракорума — Чингису (Калка), Угэдэ и Гуюку (осада Киева), и Менгу (у стен Киева)¹². Батый упоминается везде исключительно по имени, как и в приведенном выше известии *Лавр.* 1243 г. *ГВл* не знает первого мусульманина из Чингизидов Берке, как и его предшественников, наследовавших Батыю. Последним из «канов», известных летописцу, был Менгу — великий хан, умерший 11 августа 1259 г. После его смерти *ГВл* не интересуется правителями Каракорума, и впервые «великим цесарем» назван Менгу-Тимур, правитель Золотой Орды, наследовавший Берке:

и посла в Татары ко великомуу цѣрви . Меньгоутимерви . проса собѣ помочи оу него на Литвоу . Меньгоутимеръ же да емоу рать . и Ыгоурчина с ними воеводуо [...] тогда бо бахоу . вси князи . в воли в Тотарьской»¹³.

Это сообщение под *Ипат.* 1275 г. находится уже в «волынкой» части *ГВл*. Мусульманин Менгу-Тимур был ханом Золотой Орды с 1266 по 1282 гг., с 1269 г. не подчинявшейся центральной власти в Каракоруме. Он же начал чеканить серебряную монету с легендой «Менгу-Тимур каан справедливый».

10 *НПЛ*: 79.

11 *ПСРЛ* 1: 474.

12 «тогда же и Чаногизъ кано ихъ Таногоуты оубьень бы⁶»; «Меньгоуканови же . пришедшоу сгладать гра⁸ Къева»; «Меньгоу . и Кююкъ иже вратиса . оувѣдавъ смръть кановоу (Угэдэ — *В.С.*) . и бы⁶ каномъ» (*ПСРЛ* 2: 745, 782, 785).

13 *ПСРЛ* 2: 871–872.

Первая из известных монет выпущена в Крыму в 1267 г., другая через пять лет в Булгаре¹⁴. Дата чеканки «булгарской» монеты близка дате, под которой Менгу-Тимур обозначен в качестве «великого цесаря» в *ГВл*. Но на монетах наследовавшего ему Тула-Буги нет таких надписей, а в *ГВл* «цесарем» он всё равно назван. С другой стороны, в 1265 г. на столе в Каракоруме сидел «кан» Ариг-Бука, который соперничал с Хубилаем, а поддерживавший его Берке чеканил ему монеты в Булгаре с легендой практически идентичной титулатуре Менгу-Тимура: «Ариг-Буга каан верховный»¹⁵. Титул «каан верховный» ближе к формуле, приведённой в *ГВл* — «цесарь великий». Тем не менее, употребленный *ГВл* титул не может быть признан буквальной калькой или переводом титула хана Золотой Орды. Летописец именовал золотоордынских правителей «цесарями» вне связи с их официальной титулатурой. Значит ли это, что в вольнской хронике Менгу-Тимура назвали «великим цесарем», чтобы обозначить его самостоятельность от «канов» Каракорума, сделал кальку с легенды на монете последнего из них? Или же автору нужно было как то структурировать ситуацию, когда в Константинополе сидел греческий «цесарь», но одновременно другой, татарский, «цесарь» обладал значительно бóльшим объёмом реальной власти?

«Приходящая цѣри и князи»

Упоминания «цесарства» Романа Мстиславича и «цесарства» монголов помещены в двух разных частях текста *ГВл* и опирались на различный литературный опыт их составителей. Автор вольнской хроники, кроме Менгу-Тимура, уверенно называет «цесарями» ветхозаветного Навуходоносора, а также актуальных Телебугу и Алгуя¹⁶; автор «галицкой» — актуальных Филиппа и Фридриха, а также «литературного» Романа Мстиславича.

Но в «галицкой» части, в том же фрагменте о поездке Даниила Романовича к Батыю, где его отец назван «цесарем», содержится также упоминание неких других «цесарей», приходивших к монголам:

вида бо [...] приходящая цѣри и князи. и велможѣ . слнцю и лоунѣ . и земли . дыаволоу. и оумршимъ въ адѣ шѣмъ ихъ. и дѣдомъ. и мѣрмъ . водаше школо коуста . покланатиса имь¹⁷.

Как нам уже доводилось писать, здесь представлен некий обязательный перечень ритуалов для просителей, который предвосхищает испытания, предначертанные князю Даниилу в ставке Батыя. Синтаксис фрагмента не

14 Сагдеева Р.З. *Серебряные монеты ханов Золотой Орды*. М., 2005, 8–10.

15 Там же, 7.

16 *ПСРЛ* 2: 871, 898, 915, 929. Не учитываем именование Владимира Васильковича вольнского «цесарем» в посмертном плаче его вдовы (*ПСРЛ* 2: 918, 919).

17 *ПСРЛ* 2: 806.

безупречен, что объясняется вставным характером «перечня» в первоначальный текст. А сами сведения о требовании монголов к прибывшим поклониться стихиям, как части ритуала представления, выглядят в тексте ошибочными и вторичными¹⁸.

Указание на многочисленность «цесарей», приходящих для поклона к Батю, свидетельствует не только о фактическом разрушении традиционного миропорядка, но, вероятно, навеяно размышлениями эсхатологическими, отсылая к *Видению пророка Даниила* (Дан. 2: 37; 5: 18, 7: 13) и *Апокалипсису* (Откр. 17: 13–18), говорящими о передаче земными царями власти Антихристу.

«Тобѣ цесарю кланяюся»

Очевидно, что подобные аллюзии легко читались современниками, среди которых к тому же в середине XIII в. оказались достаточно популярны. В частности, А. Лаушкин обнаружил использование этих же текстов «вавилонского цикла» как на уровне сюжета, так и на уровне отдельных выражений при составлении «архетипа» пространного *Сказания о Михаиле Черниговском* в редакции с именем «отца Андрея» (далее — *РА*)¹⁹. Этот текст известен из *Псковского пролога* краткой редакции 1313 г. и является наиболее ранним из твёрдо датируемых текстов *Жития Михаила Черниговского* (далее — *ЖМЧ*).

Вопреки давнему мнению Н. Серебрянского, утверждавшего, что связи между житиями Михаила и летописью не существует²⁰, мы попытались обосновать обратную картину возникновения текста. Сопоставив *РА* с рассказом *ГВл* о гибели черниговского князя, мы продемонстрировали их текстуральную связь²¹.

Надо думать, именно поэтому в тексте *РА* до определённого момента о «цесарстве» Батяя ничего не говорится, а применяется устойчивая формула — «къ канови и къ Батыеви», — как в *ГВл*:

сѣчтоша я въ число. и начаша на нихъ дань имати [...] татарове же начаша къ канови. и къ Батыеви. глаголаше не подобаетъ вамъ житию на земли кановѣ и Батыевѣ. не поклонивъшеся има. Мнози же ехавше поклонитя. Обычаи же имяше канъ и Батяи. аще придець кто поклонитя емоу²².

18 Ставиский В.И. Читаем Галицко-Волынскую летопись. *Ruthenica*, X (2011), 241–242, 246. Судя по всему, каталог обязательных ритуалов был вставлен в середину фразы, изначально говорившей только о поклонении кусту: «вида бо [...] приходящаа цѣри и князи. и велможѣ . [слѣдцо и лоунѣ . и земли . дыаволоу. и оумршимъ въ адѣ шѣмъ ихъ. и дѣдомъ. и мѣрмъ]. водаше школо коуста . [покланатиса имъ]».

19 Лаушкин А.В. К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском. *Вестник Московского университета. Серия 8. История*. 1999, № 6, 4–13.

20 Серебрянский Н. *Древнерусские княжеские жития*. М., 1915, *Исследование*, 141.

21 Ставиский В.И. Відомості про Русь з «Історії монголів» П'яно Карпіні. *УІЖ*. 1988, № 6, 32–41; Ставиский В.И. «История монголов» П'яно Карпіні и русские летописи. *Древнейшее государство на территории СССР. Материалы и исследования 1990 год*. М., 1991, 190–204; Ставиский В. Читаем Галицко-Волынскую летопись, 244–246.

22 Лосева О.В. *Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV веков*. М., 2009, 299–300.

Исследователи справедливо считают, что эта формулировка с упоминанием «кана и Батгя» была первоначальной и актуальной вплоть до 1266 г., когда правители Золотой Орды не были ещё формально самостоятельны в принятии решений и зависели от воли великого «кана»²³. В тексте *РА* «цесарство» Батгя обнаруживается только в завершении той части текста, которая близка тексту *ГВл*, а также фрагментах, содержательно не совпадающих с летописью. Как убедительно продемонстрировал Лаушкин, «цесарство» монголов в *РА* связано с текстами «вавилонского цикла» и, следовательно, имеет не политические, но эсхатологические коннотации.

А. Лаушкин определил «идейную конструкцию», лежащую в основе *РА*, следующим образом. «Грехи людские вызвали гнев Господа, и он, желая смирить своих людей — христиан, предал их в руки царя-язычника и обязал их служить ему»²⁴. «Идейный источник» подобного построения, отыскивается, по убедительному мнению Лаушкина, в «вавилонском цикле» книг *Ветхого Завета*, повествующем о том, как изменившие Богу иудеи были отданы в рабство вавилонскому царю Навуходоносору и должны были служить ему «и сыну его, и сыну сына его, дондеже приидеть время земли его и его самого» (*Иер.* 27: 7) и «подчёркивается прямым обращением к самой яркой по образам книге “вавилонского цикла” — книге пророка Даниила»²⁵.

Таким образом первые попытки целостного осмысления нового положения, в котором оказалась Русь и её князья под властью монголов, двигались в направлении понимания монгольского «цесарства» и татарских «цесарей» как ветхозаветной власти царей-язычников над пленённым народом Божьим. А это, в свою очередь, открывало широкие возможности для трактовки «цесарства» в эсхатологическом ключе.

«Цесарю вашему кланяюся»

Примерно в то же самое время, когда Менгу-Тимур окончательно продемонстрировал свою самостоятельность по отношению к Каракоруму, по поводу чего отчеканил в Булгаре монету с титулом «кана», а в *ГВл* (под *Инат*. 1275 г.) по отношению к нему был употреблён титул «цесарь», в Ростове по инициативе дочери князя Михаила Черниговского и его внуков создаётся так называемая *Ростовская редакция* (далее — *РР*) *ЖМЧ*, в которой, как и в *НПЛ*, «цесарем» уже последовательно титулуется Батый. Текст *РР* был сформирован не позже 16 сентября 1277 г., когда умер князь Борис Василькович,

23 Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.). *Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн: X — начало XX в.* М., 1990, 30.

24 Лаушкин А.В. К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском, 18–19.

25 Там же, 19.

упомянутый в нём как живой. Нижняя хронологическая граница может быть определена лишь примерно. Учитывая, что в числе инициаторов канонизации *РР* называет княгиню Марию Михайловну, это событие произошло до её смерти 9 декабря 1271 г.²⁶ Таким образом, *РР* становится наиболее ранним текстом, в котором титул «цесаря» последовательно применяется к Батью, в отличие от *Лавр.* и *НПЛ*, где такие попытки носят случайный характер²⁷.

А. Лаушкин обосновал идею о том, что *РА* и *РР* «друг от друга независимы и имеют общий протограф»²⁸, что было поддержано О. Лосевой²⁹. В качестве доказательства исследователь демонстрирует, что в отличие от *РА*, ориентировавшейся на текст пророка Даниила, *РР* делает выбор в пользу иного круга литературных образцов, главным образом *Сказания о Борисе и Глебе*, а также *Киевской летописи* (повествование об убийстве Андрея Боголюбского под 1175 г.).

Этот выбор, по нашему мнению, был обусловлен, кроме прочего, и попыткой «нормализовать» монгольское «цесарство», сместить его понимание с эсхатологического «цесарства» в *РА* в сторону политического «цесарства» в *РР*, раскрывающегося через идею признания власти старшего/сильнейшего, и опирающуюся на *Сказание о Борисе и Глебе*.

Между рассказом о гибели в Орде Михаила Черниговского в *ГВл* и *Житиями князя (РА и РР)* существуют не отмеченные в литературе текстуальные связи, на демонстрации которых здесь нет возможности останавливаться. Но именно наличие этих генетических связей между текстами позволяет говорить о развитии понимания монгольского «цесарства», а также и о его преобразовании: от первоначального толчка в эсхатологическом направлении (в *ГВл*) через «вавилонское царство» в *РА* к «политическому цесарству» в *РР*. Это последнее понимание власти иноверных «цесарей» уже было пригодно для описания политических реальностей, в том числе и в нарративных исторических текстах.

26 Впрочем, попытка А. Лаушкина связать воедино в качестве датирующих признаков составления *РР* в 1262 г. проведение в Ростове нескольких акций — канонизации князя Михаила, строительства Михайловской церкви, хиротонии епископа 19 сентября 1262 г. и протеста ростовчан против проведения переписи, — выглядит несколько громоздкой.

27 Лаушкин А.В. К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском, 16–18.

28 Там же, 18.

29 Лосева О.В. *Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV веков*, 192.